

РЕЦЕНЗІЇ

Корнієнко В. В. Корпус графіті Софії Київської. Частина II: *Приділ свв. Апостолів Петра і Павла*. К., 2010, 272 с.

Мы, к сожалению, привыкли к тому, что в отечественной науке по отношению к эпиграфическим источникам отсутствует определенный стандарт их публикации. Это приводит к введению в научный оборот источников разного качества, что зависит, прежде всего, от квалификации исследователя, а также от его возможностей тщательно зафиксировать, полноценно обработать и издать тот или иной эпиграфический памятник.

В свою очередь, квалификация исследователя предполагает некие базовые познания в области лингвистики и палеографии, а возможность зафиксировать и обработать объект — доступ к объекту и достаточное время для его детального изучения и максимально исчерпывающего воспроизведения. В итоге, только это может обеспечить полноценное понимание источника, стать залогом его внятной и аргументированной интерпретации. При этом крайне важно, чтобы субъективное восприятие исследователем источника никоим образом не отражалось на качестве фиксации и воспроизведения эпиграфического памятника. Последнее, как правило, достигается путем апробации и консультаций с коллегами. В любом случае целью исследователя должно быть максимально бережное отношение к исходному материалу, который, собственно, и должен обуславливать характер и порядок действий исследователя, а не подчиняться его воле или идеям.

К сожалению, на практике так происходит не всегда. Темпоритм современного бытия вынуждает многих открывателей эпиграфических памятников публиковать их «с ходу», после краткого ознакомления, дабы таким образом «застолбить» за собой первенство открытия. Это приводит к появлению множества так называемых предварительных публикаций, как правило, поверхностных и не всегда корректных по отношению к самому источнику¹.

В 2010 г. мы, исходя из вышесказанного, пытались анализировать свод средневековых граффити из Георгиевского придела Софийского собора в

¹ Автор этой публикации сам грешил тем же, в частности, сделал ряд предварительных публикаций средневековых граффити из киевских пещер: Бобровський Т.А. Давньоруські епітафії зі Звіринецьких пещер у Києві. *Біографічна некрополістика в контексті сучасної історичної науки: Джерела та результати досліджень*. К., 2002, 58–64; Бобровський Т.А. Підземні споруди Києва від найдавніших часів до середини XIX ст. (спелео-археологічний нарис). К., 2007, 53, 55, 63–64, 86–87. Впрочем, в настоящий момент мы сосредоточились на полноценных публикациях этих эпиграфических памятников, чему свидетельство, например: Бобровский Т. Древнерусская надпись-дипинто из Ближних пещер Киево-Печерской лавры. *Ruthenica IX* (2010), 166–184.

Киеве, изданный В.В. Корниенко². Рассмотрев недочеты публикации, мы пришли к выводу, что, столкнувшись с большим объемом фактического материала, исследователь постарался зафиксировать и издать «все и сразу», в связи с чем, в спешке были выполнены небрежные и не всегда соответствующие оригиналам прорисовки софийских граффити, сделаны скороспелые, порой даже несуразные их прочтения, интерпретации и датировки. Та же спешка привела к публикации материалов исследования в тезисном виде, не дающем исчерпывающего представления о граффити как историческом либо лингвистическом источнике. В итоге мы вынуждены были констатировать, что «первая часть *Корпуса граффити Софии Киевской* В.В. Корниенко ни по одному из параметров — документальности данных, системности в обработке материала, обоснованности интерпретаций и датировок — не может рассматриваться как полноценный и достоверный свод источников. Перед нами, безусловно, интересный и перспективный задел для значительного научного исследования, однако, обнаруженные В.В. Корниенко в Софийском соборе эпиграфические материалы нуждаются в более тщательной и объективной фиксации, профессиональном анализе и, наконец, повторной публикации...»³. По сути, мы отнесли к первой части *Корпуса* как к предварительной публикации, попытке В.В. Корниенко обозначить и закрепить за собой сделанные в ходе обследования собора эпиграфические находки.

В ответ на нашу рецензию В.В. Корниенко опубликовал чрезвычайно грубую статью, в которой отстаивал право фиксировать и публиковать софийские граффити по собственному разумению и именно таким образом, как это было сделано в первой части *Корпуса*⁴. Вскоре этот «ультиматум» был подтвержден содержанием вышедшей в свет второй части свода софийских граффити, представляющей собой монографию объемом 272 стр. (с иллюстрациями) и содержащей описания 368 надписей и рисунков, выполненных на стенах Петропавловского придела Софийского собора⁵. Исходя из того, что вторая часть *Корпуса* по своей структуре и характеру изложения ничем не отличается от предыдущей⁶, писать рецензию на это издание значило бы

2 Корниенко В.В. *Корпус графіті Софії Київської. Частина I: Приділ св. Георгія Великомученика*. К., 2010, 464 с. См. нашу рецензию: Бобровский Т. Бреши в корпусе (заметки о монографии В.В. Корниенко «Корпус графіті Софії Київської»). *Ruthenica* IX (2010), 110–130.

3 Бобровский Т. Бреши в корпусе, 126.

4 Корниенко В.В. Об'єктивна критика чи химери кривого дзеркала? (з приводу «епіграфічних нотаток» Т. Бобровського). *Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методик. Генезис та геральдика*. Число 19. К., 2011, 280–299. Недопустимо хамский тон статьи и ругательства по отношению к нам и нашим коллегам не делают чести автору этой статьи и редакторам сборника, в котором она была опубликована. В связи с этим мы не видим для себя возможности вступать в какую-либо полемику по поводу ее содержания.

5 Корниенко В.В. *Корпус графіті Софії Київської. Частина II: Приділ свв. Апостолів Петра і Павла*. К., 2010, 272 с.: іл.. Хотя в исходных данных стоит год выпуска 2010, фактически широкие круги читателей смогли ознакомиться с этим изданием лишь в начале 2012 г.

6 Справедливости ради отметим, что во второй части по сравнению с первой заметно улучшилось качество фотографий. Однако, учитывая, что фотографии воспроизводят лишь надписи целиком,

повторяться практически по всем пунктам, делая те же замечания или обнаруживая аналогичные ошибки.

Однако все наши претензии к *Корнусу* могут и впредь восприниматься как досужие измышления на основании лишь того, что выдвинуты они по уже опубликованным материалам (текстам, прорисовкам и фотографиям, выполненным В.В. Корниенко), а не в результате аналогичной натурной работы с тем же памятником. Но так уж сложилось, что волею руководства Национального заповедника «София Киевская» на протяжении последних лет софийские граффити были недоступны «сторонним» специалистам. После того как А.А. Евдокимовой, изучавшей греческие надписи и раскритиковавшей эпиграфические интерпретации сотрудников заповедника, было отказано в возможности проведения дальнейших исследований, коротко с некоторыми граффити удалось ознакомиться лишь А.Ю. Виноградову и С.М. Михееву, также критически отнесшимся к наработкам В.В. Корниенко. Таким образом, подготовка и издание первых двух частей *Корнуса* осуществлялись исследователем, по сути, в профессиональной самоизоляции, без серьезной научной апробации и малейшей возможности проверки извне публикуемых материалов.

В 2012 г. ситуация изменилась: произошла смена руководства заповедника, ныне приветствующего любые инициативы в области перспективных исследований памятника, в том числе и софийских граффити. Пользуясь любезным согласием администрации заповедника, мы осуществили пробное натурное обследование одной из надписей, опубликованных В.В. Корниенко во второй части *Корнуса*. Речь идет о, безусловно, «ключевом» для издания граффито — № 1168, — названном автором «записью о дате поставления митрополитом Илариона»⁷. Результат нашей проверки оказался неожиданным, поскольку в фиксации и интерпретации одного этого граффито В.В. Корниенко были допущены все те просчеты, которые мы обнаружили, анализируя первую часть *Корнуса*: субъективное вмешательство исследователя в содержание фиксируемых надписей в процессе изготовления прорисовок, неграмотное (с точки зрения лингвистики) прочтение ряда граффити, объединение разновременных памятников под видом одной надписи, вольное обращение с палеографическими признаками, возведение собственных предположений и гипотез в ранг непререкаемых аксиом и т.п.⁸ Ниже мы детально проанализируем материалы, опубликованные издателем *Корнуса*, а

а не их детали, во многих случаях они не дают возможности оценить соответствие предложенных прорисовок оригиналу.

7 Корниенко В.В. Графіті з Софії Київської про дату поставлення митрополитом Іларіона. *Праці Центру пам'яткознавства*. Вип. 13. К., 2008, 235–240; Корниенко В.В. *Корнус графіті Софії Київської*. Частина II, 19–20, 109, 217–218, табл. XXIV.

8 Бобровский Т. Бреши в корпусе, 113, 114, 115, 116, 121.

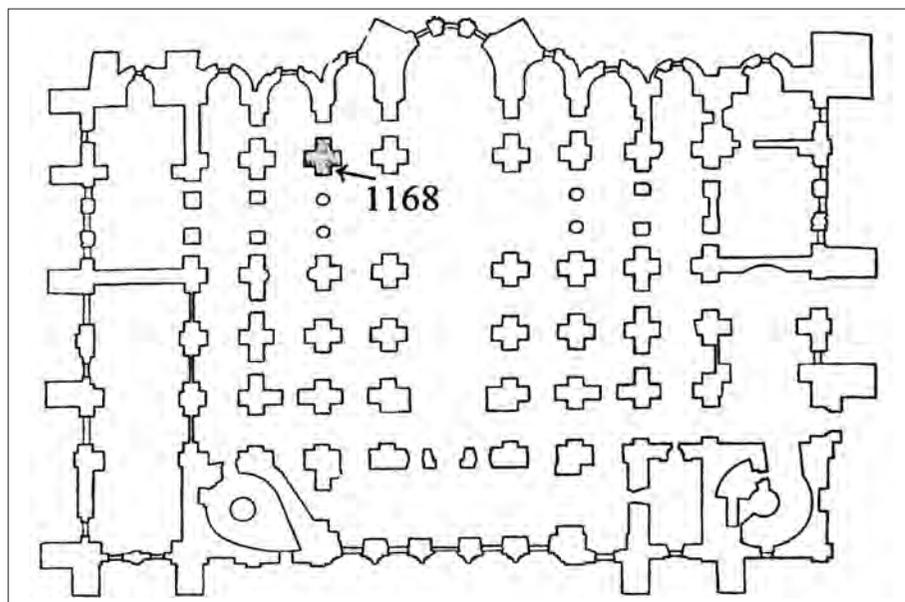

Рис. 1. Место расположения граффито № 1168 в Софийском соборе
(по В. В. Корниенко)

также саму надпись, аргументировав иное ее прочтение, интерпретацию и датировку⁹.

Итак, согласно описанию В.В. Корниенко, граффито № 1168 расположено в Петропавловском приделе Софийского собора «в северо-восточном углу предалтарного компартимента на южной стороне западной лопатки первого от алтаря северного крещатого столба»¹⁰ (рис. 1).

Граффито выполнено на фреске, изображающей великомученика, которого В.В. Корниенко интерпретирует как св. Анастасия Салонского, на высоте около 1,5 м над уровнем пола¹¹. Описывая саму надпись, исследователь указывает, что ее составляющие «повреждены выбоинами и царапинами, они закрыты шпаклевкой (расчищено лишь несколько букв в третьей строке),

9 К сожалению, мы не имели возможности изучить граффито № 1168 во всех деталях. Для того, чтобы сделать полноценную публикацию этой надписи, необходимо выполнить ее расчистку от остатков позднейшей шпаклевки, осуществить дополнительную фиксацию, а также провести контекстное обследование в пределах всей площади простенка, на котором выполнено граффито.

10 Корниенко В.В. *Корпус графіті Софії Київської*. Частина II, 18.

11 Корниенко В.В. *Корпус графіті Софії Київської*. Частина II, 18, 21, 223, 248. Следует отметить, что доступ к фреске в этом месте затруднен стеклянным перекрытием зондажа древнего пола собора, а сама фреска находится в плохо освещенном месте. Поэтому полноценное изучение данного граффито требует решения целого ряда технических проблем, в том числе — и организации свободного доступа.

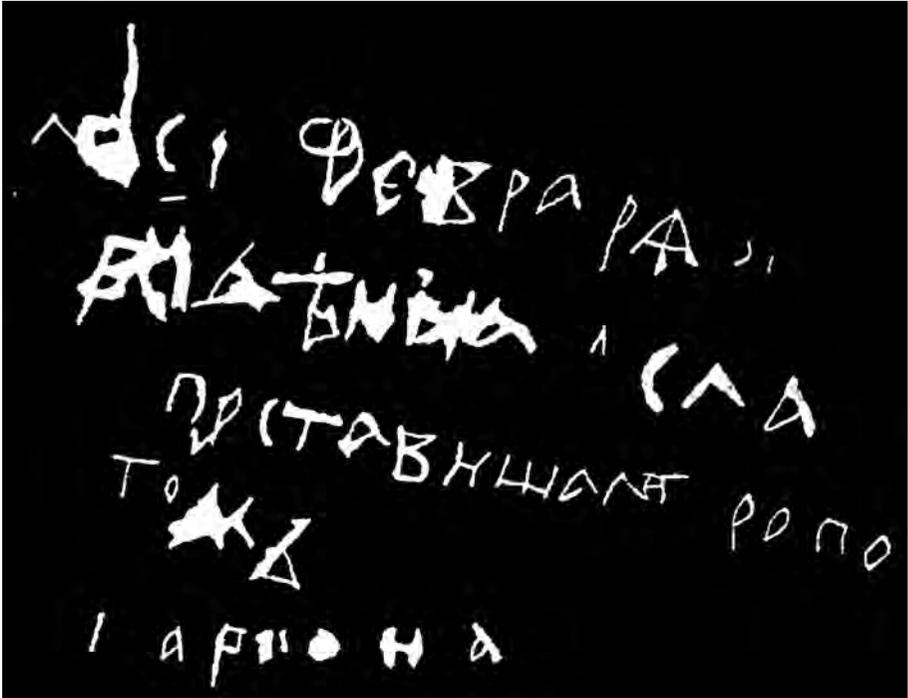

Рис. 2. Прорисовка граффито № 1168 (по В.В. Корниенко)

некоторые не прослеживаются вовсе... В конце нижней строки штукатурка сильно повреждена, поэтому установить наличие или отсутствие здесь букв невозможно»¹². Далее, со ссылкой на соответствующие фотографию и прорисовку, приводится результат прочтения надписи:

м с - ф е в р а р а - -
 в 12 д ъ н ь я - - с л а
 - - п о с т а в и ш а - - р о п о
 - - т о м ъ
 - и л а р и о н а

А следом — ее реконструкция: М(ѣ)с(ѡц)ѡ феврарѡ [вѣ] 12 дѣнь 12[ро] сла[вѣ] поставиша м[ит]ропо[ли]томѣ [И]лариона (*Месяца февраля в 12-й день Ярослав поставил митрополитом Илариона*)¹³ (рис. 2).

В соответствии с предложенными прочтением и реконструкцией этой надписи, В.В. Корниенко осуществил и интерпретацию ее содержания: по

¹² Корниенко В.В. *Корпус граффити Софії Київської*. Частина II, 19.

¹³ Корниенко В.В. *Корпус граффити Софії Київської*. Частина II, 19, 109, табл. XXIV.

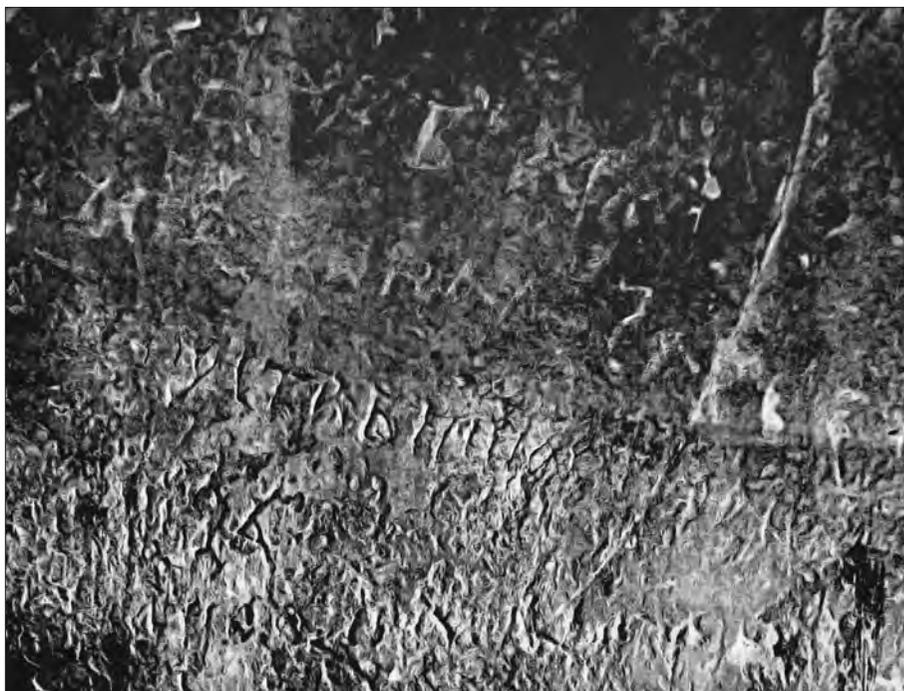

Рис. 3. Фото общего вида граффито № 1168

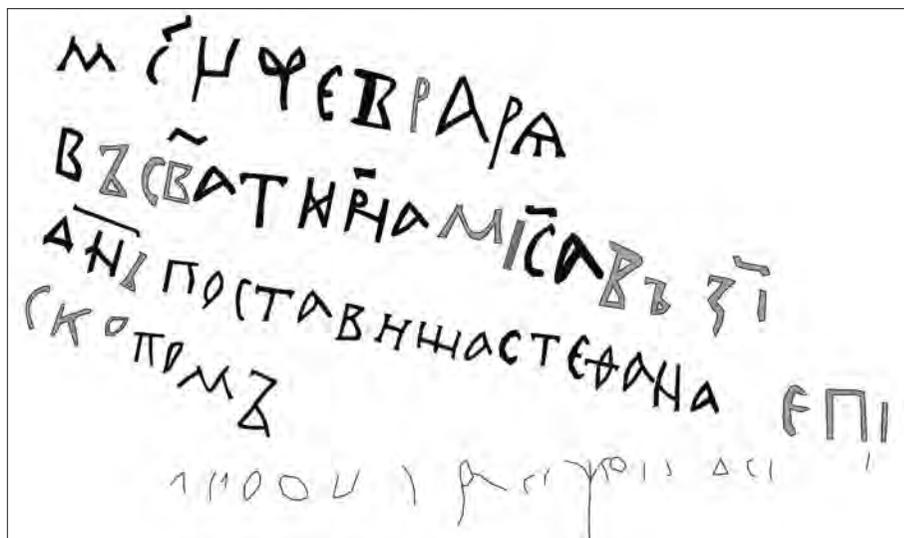

Рис. 4. Общая прорисовка граффито № 1168
с обозначенным расположением соседней надписи

раствор выкрошился, имеются отдельные выбоины. Первый знак строки представлен отчетливой буквой *м*, по правому краю слегка поврежденной трещиной (рис. 5–1). Седьмой знак — затертая буква *ρ* — реконструируется по сохранившимся следам (рис. 5–2).

С точки зрения содержания, в верхней строке надписи несомненно читаются два слова: сокращенное *мѣсѣца*²² и *фѣвралѣ*²³, т.е. традиционная формула записи даты — «*Месяца февраля...*».

В следующей, второй строке прослеживается 16 буквенных знаков: *в[ъсѣ]атириѣ[лѣк]а[въ](ѣ)*. Все знаки строки зашпаклеваны, некоторые из них имеют повреждения: вторая, третья и четвертая буквы — *ъ*, *с*, *в* — перекрыты позднейшими царапинами, но читаются достаточно четко (рис. 5–3); седьмая буква — *и* — имеет по центру небольшую зашпаклеванную выбоину, по-видимому образовавшуюся в процессе процарапывания буквы; восьмая буква представляет собой оригинальную лигатуру, состоящую из букв *ρ* и *и* (рис. 5–4); десятая и часть одиннадцатой — *м*, *к* — сильно затерты и реконструируются по фрагментарным линиям; тринадцатая — *в* — прорезана трещиной, прошедшей вдоль ее мачты (рис. 5–5), а последние три знака — сильно патинированы и реконструируются предположительно, исходя из общего контекста надписи.

В итоге, в этой строке, читающейся не вполне убедительно из-за повреждений и затертостей, мы предполагаем такую разбивку на слова: *в[ъ] [сѣ]а тириѣ [лѣк]а [въ] (ѣ)*. Вероятно, строка начинается с предлога *въ*, далее возможно следует сокращенное *сѣлѣга* или *сѣлѣца*²⁴, за ним — сокращенное *тириѣ*²⁵, следом — сокращенное *мѣченика*²⁶, еще один предлог *въ* и буквенное обозначение числа 17 (*ѣ*). Таким образом, данную строку можно трактовать как продолжение записи даты — «...*в святого (праведного) Тирона мученика в 17...*»²⁷.

В третьей строке фиксируются следы не менее 22 буквенных знаков: *дн[ъ] поставишастеѣана(ѣни)*. Первые три буквы в строке — *д*, *н*, *ъ* — зашпаклеваны, а сверху частично перекрыты патиной, хотя в целом, кроме *ъ*, читаются достаточно уверенно (рис. 5–6). Следующие 9 знаков в настоящее время очищены от шпаклевки; они представлены буквами, составляющими безупречно

22 С сокращением, как в *лѣтисловѣ* (*Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 9. М., 1982, 121).

23 Срезневский И.И. *Материалы для Словаря древнерусского языка*. Т. 3. СПб, 1903, 1353.

24 Сокращение *сѣа*, кажется, более приемлемо для *сѣлѣца*, как, например в *сѣтца* (Срезневский И.И. *Материалы*, т. 3, 311).

25 Св. Феодор Тирон — один из наиболее известных христианских мучеников. Употребление прозвища *тиронъ* (или *тиренъ*) без называния имени святого иногда встречается в древнерусских эпиграфических памятниках (см. напр.: Высоцкий С.А. *Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.)*. К., 1976, 104, табл. СХІІІ-1). Предполагаем, что в нашем случае сокращение прозвища выполнено путем выноса (замены титлом) буквы *ѣ* и слияния в лигатуре букв *ρ* и *и*.

26 Подобно сокращению *лѣкѣмъ* в *Остромировом Евангелии* (Срезневский И.И. *Материалы*, т. 2, 198).

27 Число 17 реконструируется контекстно, поскольку память св. Феодору Тирону совершается 17 февраля (1 марта по н.с.).

Рис. 5. Детали граффито № 1168

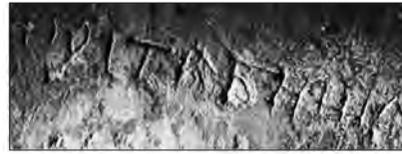
читающееся слово *поставиша*²⁸ (рис. 6–1). За ними следует 7 зашпаклеванных знаков, в которых легко угадываются очертания букв — с, т, е, ф, а, н, а (лишь спинка е повреждена проходящей через нее глубокой царапиной) (рис. 6–2).

28 Нам неизвестно, кто и когда осуществил расчистку этих знаков. Можно предположить, что это следы исследований С.А. Высоцкого, хотя сама надпись в его публикациях не фигурировала. Возможно, это связано с тем, что работа по расчистке граффито не была завершена.

Далее продолжение строки затерто; в этом месте прослеживаются слабые следы как минимум 3 букв, реконструируемых предположительно.

Для этой строки, сохранившейся достаточно хорошо, мы предлагаем следующую разбивку на слова: дѣн[ь] поставиша стѣѡана (ѡни). В начале строки достаточно убедительно читается сокращенное слово *дѣнь*²⁹, следом — несомненное *поставиша*³⁰, затем — отчетливое *стѣѡана*³¹. В конце строки расположено несколько (не более 3–4-х) буквенных знаков, которые из-за своего состояния реконструируются предположительно и, по нашему мнению, являются началом слова, которое продолжено в последней строке граффито (ѡни). В целом же начало третьей строки относится, по-видимому, к предыдущей записи даты, а ее продолжение — характеризует произошедшее в указанное время действие: «... день поставили Стефана...».

Наконец в четвертой строке читаются 7 буквенных знаков: [ско]помъ. Первые три повреждены выбоинами, а потому реконструируются по сохранившимся фрагментам. Следующие за ними буквы — п, о — очищены от шпаклевки только частично, а последние в строке две буквы — м, ъ — очищены полностью и читаются безупречно (рис. 6–3).

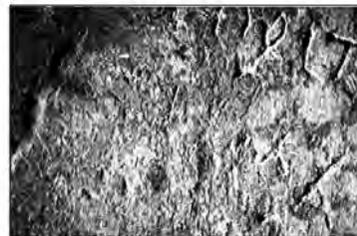
1

дѣнь
поставиша

2

стѣѡана

3

скопомъ

Рис. 6. Детали граффито № 1168.

29 Сокращение *дѣнь* часто встречается в древнерусской письменности (см. напр. Срезневский И.И. *Материалы для Словаря древнерусского языка*. Т. 1. СПб, 1890, 769).

30 *поставиша* — форма аориста множественного числа. По мнению А.И. Соболевского формы аориста редко применялись в Древней Руси вне церковного круга и полностью вышли из употребления вскоре после XIV в. (Соболевский А.И. *Лекции по истории русского языка*. К., 1888, 163–164).

31 Написание имени *стѣѡанъ* (через «фиту») встречается в древнерусской эпиграфике наряду с грамматически верным *стѣфанъ*. Исследователями замечено, что замена «ферга» «фитой» в древнерусском языке наблюдается чаще всего в памятниках второй половины XII — конца XIII вв. (Артамонов Ю., Гиппиус А., Зайцев И. Из древнерусской эпиграфики Константинопольской Софии. *Ruthenica* VIII (2009), 240).

В этой строке, по нашему мнению, реконструируется единственное слово, точнее, окончание слова, начатого в предыдущей строке, которое предположительно следует читать как *єпископомъ* (т.е. «...*епископом*») ³².

Таким образом, в надписи реконструируется не менее 55 буквенных знаков, из которых 11 читаются безупречно, 27 — достаточно отчетливо, 12 — с определенными сложностями, 5 — реконструируются предположительно (рис. 4):

м с̃ ц̃ ф̃ е в [р] а р ѡ
 в [ъ с̃ в̃] а т н р̃ њ а [м̃ к] а [в̃ љ] (з̃ ѝ)
 д̃ њ [ь] п о с т а в и ш а с т е ѡ а н а (є п и)
 [с к о] п о м љ

Надпись целиком можно предположительно прочесть как:

Месяца феврара въ святаго (святъца) Тирона мѹченика въ 31 дѹнь поставиша Стефана єпископомъ ³³ (т.е. — *Месяца февраля в святого (праведного) Тирона мученика в 17 день поставили Стефана епископом*).

Сравнивая полученные нами результаты с материалами, опубликованными В.В. Корниенко, обнаруживаем серьезные расхождения в отношении прочтения большинства знаков надписи и реконструкции составляющих ее слов.

Практически полное совпадение присутствует лишь в прочтении первой строки, хотя непонятно, почему исследователь не зафиксировал отчетливую букву ц зеркального начертания и, наоборот, указал на существование отсутствующих в реальности двух знаков в конце строки. Также совпадают прочтения расчищенных от шпаклевок букв в третьей и четвертой строках (соответственно, *поставиша* и *мъ*).

Расхождений намного больше. В частности, в начале второй строки В.В. Корниенко по непонятным причинам опущена первая буква в, зато как в прочитана следующая за ней љ. Еще один знак — ѝ — реконструируется исследователем, равно как и нами буквы с и в, из нагромождения царापин, однако, далее несомненные а и т интерпретированы им как д и љ, а лигатура р и н — как несуществующие ь и ѝ (рис. 5–3, 5–4). В продолжении строки реконструируемая нами ІС-образная к определена В.В. Корниенко как с, а несомненная а с выпуклой петлей — как л (рис. 5–5).

Не менее принципиальные отличия наблюдаются в прочтении второй половины третьей строки: здесь исследователь реконструирует невероятную лигатуру из трех букв — м, и, т, хотя очевидно, что в этом месте присутствуют лишь два буквенных знака — с и т. Далее, отчетливую ѡ В.В. Корниенко

32 Уверенно читаются лишь последние четыре буквы этого слова; предыдущие - только угадываются по фрагментированному остаткам. Однако, исходя из общего количества знаков в слове (около 10) — единственно возможным вариантом прочтения нам представляется именно «епископом».

33 Как видим, граффито содержит неопределенно-личное предложение, не имеющее подлежащего, что и оправдывает использование в нем сказуемого (поставиша) в аористной форме множественного числа.

воспринимает как головку ρ, а следующие за ней очевидные а, н, а — как, соответственно, о, п, о (рис. 6–2).

Отдельного рассмотрения требует и предполагаемая исследователем пятая строка этой надписи. Действительно, ниже четвертой строки граффито № 1168 располагается следы написанных в строчку знаков (рис. 3, 4). Однако, несомненно, здесь располагается другая надпись, поскольку ее строка выполнена не под уклоном (как в рассматриваемом граффито), а строго горизонтально. Во-вторых, надпись составляют буквенные знаки, по размерам существенно меньшие, чем буквы граффито № 1168. Более того, очертания этих знаков напоминают минускульное письмо, что, возможно, указывает на греческое происхождение надписи, в отличие от кириллического полуустава в рассматриваемом граффито³⁴. И, наконец, наблюдаемое выравнивание концовки третьей строки граффито № 1168, по-видимому, свидетельствует о желании писца обойти существовавшую ранее соседнюю надпись (рис. 4).

Таким образом, исследовав граффито № 1168, мы вынуждены констатировать, что ни Ярослав, ни Иларион, ни митрополит в нем не упомянуты, равно как и проблематичной является реконструкция фигурирующей в надписи даты — 12 февраля.

На самом деле, в граффито речь идет о посвящении некоего Стефана, вероятно, в епископский сан. Это событие, возможно, произошло в день памяти св. Тирона Мученика, то есть 17 февраля. Содержание надписи оставляет открытыми два вопроса: в каком году произошло это событие и на какую именно кафедру был назначен епископ?

Приблизительную дату события можно получить, попытавшись определить палеографическую датировку надписи. С этой целью нами была построена палеографическая матрица, в которой были учтены 38 графических моделей, представляющих 17 присутствующих в надписи графем³⁵ (рис. 7). В результате нами очерчены два хронологических диапазона: широкий — позволяющий датировать надпись в пределах всего XII в., и узкий — указывающий на наиболее вероятную датировку граффито в пределах второй половины XII в.³⁶

34 К сожалению, надпись сильно затерта, а также требует реставраторской расчистки. В настоящее время в ней невозможно достоверно разобрать ни единой буквы.

35 Подробнее о палеографических матрицах см. Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Янин В.Л., Зализняк А.А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.)*. Т. 10. М., 2000, 134–250. Отметим, что нами были учтены не все графические модели, отображенные в граффито, а только те, начертание которых не вызывает сомнений. Кроме того, нами не учитывались начертания некоторых графем, в частности, ф и н с перекладиной в виде перекрещенных линий, поскольку они не имеют аналогий в древнерусской эпитафике и не могут быть привлечены к статистическому анализу.

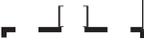
36 Узкая датировка надписи в пределах второй половины XII в. достаточно обоснована целым рядом уверенно атрибутированных графических моделей, в частности, начертаниями в и п с выступом сверху, д дельтавидной формы, м и л с нижними засечками, ρ с маленькой головкой, ц целиком вписанным в строку, ш с выступом вниз, ъ с петлей углом вперед.

			1025	1120	1140	1160	1180	1220	1240	1260	1280	1320	1340	1360	380	1410	1420
Δ	Ia	=															
Δ	IIa	=	+(
Δ	IVa	~		o	o	+	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o
Δ	7	~	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o
В	IIб	>															
В	IV	<	o		o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	o
В	2	<															
В	4	>															
Д	II	=	((
Є	II	>															
и	I	>															
и	1б	=															
и	2б	=	o	(
М	Ia	>															
М	2	>															
М	3	>	o	+	o	o	(
н	Iв	=	o														
о	I	>															
п	I	>															
п	1	>															
ρ	Ia	>															
ρ	4	=															
ρ	11	=	o	+	(
с	I	>															
т	I	>															
т	1	=	o	o	(
ϕ	I	=	[o	-	-]												
ц	I	=															
ц	3	=	o		o												
ц	4	=			o	+	(
ш	II	=	o														
ш	1	=	o	o		o	o		o	o		o	o	o	o	o	o
ш	2	=															
ъ	IIa	>															
ъ	1	=	o	o	+												
Ѧ	Ia	=															
Ѧ	3	=	+		+	o	(

Рис. 7. Палеографическая матрица граффито № 1168
 (таблица составлена по материалам, приведенным в: Зализняк А.А. Палеография берестяных грамот, 218-230, 275-279)

Условные обозначения и экспликация к палеографической матрице

#	Модель	Краткое описание модели	#	Модель	Краткое описание модели
а	Ia	острый верх и прямая петля с изломом	р	4	маленькая головка
а	IIa	острый верх и выпуклая петля с изломом	п	1	выступ перекладины
а	IVa	простая округлая петля	р	Ia	округлая петля с прямой мачтой
а	7	удлиненная спинка (выступает из строки)	р	11	буква целиком в строке
в	IIб	перелом соединения петель не при мачте	с	I	основной вид
в	IV	развилка в месте соединения петель	т	I	основной вид
в	2	нижняя петля выступает под строку	т	1	нижняя засечка на мачте
в	4	выступ сверху	ф	I	основной вид
д	II	Δ- и Λ-образные	ц	I	основной вид
е	II	вертикальные	ц	3	зеркальные
и	I	основной вид	ц	4	буква целиком в строке
и	1б	с короткими верхними засечками на мачтах	ш	II	платформа приподнята
и	2б	с короткими нижними засечками на мачтах	ш	1	выступ вниз
л	Ia	основной вид (острые)	ш	2	верхние засечки
л	2	верхние засечки	ъ	IIa	наклонная мачта
л	3	нижние засечки	ъ	1	петля углом вперед
н	Iв	основной вид с перемычкой	ь	Ia	основной вид (острые)
о	I	основной вид	ь	3	нижние засечки
п	I	основной вид			

Признак	Значение
	данная модель в указанный период встречается очень часто
	данная модель в указанный период встречается часто
о	данная модель в указанный период встречается редко
+	данная модель в указанный период почти не встречается
-	данная модель в указанный период не встречается
(())	границы периода встречаемости данной модели
()	границы периода наибольшего распространения данной модели
	границы периода, когда данная модель встречается редко
	вероятный хронологический диапазон возникновения надписи
	наиболее вероятный хронологический диапазон возникновения надписи
<	графическая модель в данной надписи встречается редко (1/4, 1/5 и реже)
=	графическая модель в данной надписи встречается нередко (1/1, 1/2, 1/3, 2/4)
>	графическая модель в данной надписи встречается часто (2/3 и чаще)
~	графическая модель устанавливается приблизительно

К сожалению, полученная датировка не позволяет нам прояснить личность епископа Стефана, поскольку для XII в. предстоятели русской церкви с таким именем не известны. Безусловно, было бы заманчиво связать фигуранта надписи с владимирским епископом Стефаном, посвященным на кафедру в 1090 или 1091 гг. и скончавшимся в 1094 г.³⁷, однако, следует учитывать, что граффито № 1168, скорее всего, было записано, как минимум, на шесть или семь десятилетий позже.

Остается добавить, что данное граффито действительно содержит немаловажную историческую информацию, свидетельствуя о «поставлении», епископа Стефана во второй половине XII в. Мы не можем утверждать с уверенностью, что это произошло именно 17 февраля, поскольку строка, содержащая дату, требует дополнительной расчистки и повторной фиксации. Мы можем лишь утверждать, что в этой надписи ни слова не говорится о событиях середины XI в.; также в ней не упоминаются имена Ярослава и Илариона.

Возвращаясь к публикации этого граффито в *Корпусе*, заметим, что осуществленный исследователем палеографический анализ не выдерживает критики. Как и в предыдущих случаях, В.В. Корниенко ограничился лишь выборочными графическими моделями, описанными А.А. Зализняком, при этом, не прибегая к построению палеографической матрицы и, тем самым, сводя на нет все достоинства новгородских материалов³⁸. Более того, поскольку в качестве контекстной даты граффито исследователем обосновывался 1051 г., для некоторых графических моделей, характерных для XII в., В.В. Корниенко предложил удреwnить на полстолетия их датировку, мотивируя это тем, что «подобные формы написания букв... на южнорусских материалах встречаются раньше», нежели в Новгороде³⁹.

Подведем итоги. При изучении, фиксации и подготовке к публикации граффито № 1168 В.В. Корниенко были допущены следующие методологические просчеты:

- не выполнена реставраторская расчистка надписи, как важный этап исследования;
- при изготовлении прорисовки надпись была зафиксирована с существенными искажениями, приведшими к ошибочному прочтению и интерпретации ее содержания;
- при чтении надписи исследователь не прибегал к помощи лингвистов, что отразилось в безграмотном воспроизведении грамматической конструкции предложения;

37 ПСРЛ 1: 226.

38 Исследователь для палеографического анализа выбрал только семь графических моделей, из которых в действительности в надписи представлено лишь две — а с выпуклой петлей и ш с приподнятой платформой (Корнієнко В.В. *Корпус графіті Софії Київської*. Частина II, 19–20).

39 Корнієнко В.В. *Корпус графіті Софії Київської*. Частина II, 20.

— в основу датировки надписи были положены результаты ее интерпретации, а не полноценный палеографический анализ.

Таким образом, можем констатировать: материалы, опубликованные В.В. Корниенко по граффито № 1168, настолько искажают первоисточник, что не могут даже в малой степени охарактеризовать его. В связи с этим возникает вопрос: насколько достоверны иные материалы, издаваемые этим исследователем?

В начале наших заметок мы упоминали о том, что до последнего времени осуществить натурную проверку качества работ В.В. Корниенко было практически невозможно. За прошедшие годы разным специалистам удалось непосредственно ознакомиться лишь с несколькими граффити, опубликованными исследователем. Прежде всего, скандально известное граффито № 1 осматривали А.А. Евдокимова, Т.В. Рождественская, А.Ю. Виноградов и С.М. Михеев, независимо друг от друга пришедшие к выводу о некорректности предложенного В.В. Корниенко прочтения надписи: по мнению специалистов, так называемая надпись «о Златой Пасхе» безграмотно составлена из фрагментов трех или четырех разновременных и разноязычных (славянских и греческих) граффити⁴⁰. Еще два граффити, опубликованные В.В. Корниенко и интерпретированные им как буквенные записи даты 1033 г. (граффити №№ 720 и 2035)⁴¹, были проверены А.Ю. Виноградовым и С.М. Михеевым, опровергшими предложенное исследователем прочтение и выяснившими, что оба граффити являются фрагментами греческих надписей⁴².

Таким образом, в результате совершенно спонтанных проверок четырех опубликованных В.В. Корниенко надписей (включая граффито № 1168), установлено искажение первоисточников во всех четырех случаях. Это является свидетельством как непрофессионализма исследователя, так и его недобросовестности, поскольку надписи не только безграмотно прочтываются и неверно интерпретируются, но и некачественно фиксируются. Во всех указанных случаях выполненные В.В. Корниенко прорисовки отображают не сами надписи, а исключительно субъективное их восприятие исследователем. То есть, мы имеем дело с ситуацией, в которой источник оказывается в зависимости от человека, поступающего с ним не как ученый, а как распорядитель и манипулятор.

Вышеприведенные примеры такого манипулирования, зачастую имеющего конъюнктурную подоплеку и тягу к сиюминутной сенсации, позволяют поставить под сомнение не только эти, но и другие материалы, опубликованные В.В. Корниенко. По нашему мнению, абсолютно все изданные им графф-

40 *Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань. Матеріали Круглого столу.* К., 2010, 17–18, 23, 26.

41 Корнієнко В. Датовані графіті 30-х рр. XI ст. із Софії Київської в контексті давньоруської есхатології. *1020-ліття хрещення Русі-України — із Києва по всій Русі.* К., 2008, 208–216.

42 *Заснування Софійського собору в Києві,* 21–22.

фити требуют тщательной натурной проверки и критического пересмотра. По-видимому, назрела необходимость в разработке и реализации программы комплексных эпиграфических исследований в Софийском соборе и других киевских памятниках древнерусского зодчества с привлечением квалифицированных специалистов — историков, археологов, реставраторов и лингвистов. Мы не сомневаемся, что в результате этих исследований будут сделаны значительные открытия, а до тех пор не стоит вносить какие-либо изменения в исторические даты, палеографию и грамматику древнерусского языка, опираясь на заведомо конъюнктурные материалы *Корпуса*, во многом сродственного пресловутой «Велесовой книге».

Тимур Бобровский